

Михаил Николаевич Волконский

Черный человек

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
М69

Михаил Николаевич Волконский
М69 Черный человек / Михаил Николаевич Волконский – М.: Книга по Требованию, 2012. – 112 с.

ISBN 978-5-4241-1975-0

Роман «Чёрный человек» написан Михаилом Николаевичем Волконским в 1914 году и это продолжение романа «Вязниковский самодур». Молодой дворянин влюбляется в крепостную актрису. История запретной страсти благородного Гурлова и романтической Машеньки оказывается вплетенной в запутанный клубок таинственных и страшных событий. В усадьбе, где живет Машенька, происходит убийство, и в расследовании его помогает загадочный черный человек...

ISBN 978-5-4241-1975-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Волконский Михаил
Николаевич
Черный человек

I

С самой смерти Петра Великого почти сто лет правили Россией женщины. Наследовала Петру Екатерина I, супруга его; миновало кратковременное царствование Петра II, вступила на престол Анна Иоанновна; после нее недолго правила как регентша Анна Леопольдовна, ее сменила Елизавета, дочь Петра, а затем, после опять-таки короткого промежутка, когда на престоле был мужчина Петр III, стала править императрица Екатерина II, названная историею Великою.

Это почти столетие женского правления в России приучило «общество», то есть людей, близко стоящих ко двору, и людей, близко стоящих к этим людям, к мягкому снисходительному обращению, изнеженности и роскоши.

Придворные стыдились два раза показаться при дворе в одном и том же платье, а это платье, благодаря тогдашней моде расширять его драгоценными камнями, жемчугом, шелками и золотом, стоило не десятки, а тысячи рублей.

Простые смертные, богатые помещики заводили у себя целые штаты, по образцу большого двора. Пройтись по улице пешком считалось неприличным — требовался собственный экипаж, запряженный четверней или шерстеркой цугом.

Утонченность кухни достигла баснословных размеров, и поварское дело было возведено на степень искусства, как в Риме во время упадка его. Явились расточители, доходившие почти до безумия в своих тратах, иногда совершенно бесцельных и ненужных. Жарили, например, себе жаркое не на дровах, а на корице. Сколько надо было сжечь этой корицы, чтобы блюдо было готово! Ванны себе делали не только из сливок, но и из земляники. Кружев на кафтан нашивали на десять тысяч рублей. Устраивали пиры, на которых на блюде подавались грудую бриллианты и алмазы, и гости брали их себе горстями. На воду кидали — как дети кидают камешки, чтобы они прыгали рикошетом, — чистые червонцы и забавлялись этим. Крепостной челяди держали в хоромах многое множество не только для себя, но даже для собачек. Кроме этой челяди, при господах состояли приживалки, карлицы, арапки и арапчата, стоившие огромных денег. В конце царствования Екатерины дошло наконец до того, что гвардейские офицеры ездили по городу не иначе, как в каретах цугом и с муфточками.

В ноябре 1796 года скончалась императрица Екатерина, и на престол вступил император Павел Петрович, не юный уже летами, как были Петр II и Петр III.

Павел Петрович, будучи наследником престола, вел жизнь уединенную, удалившись из Петербурга в Гатчину, где у него были заведены свои строгие порядки. В своем гатчинском уединении, в котором он провел долгие годы зрелым уже человеком, он, видимо, много думал о государственном благоустройстве и готовился к будущей своей деятельности государя огромного русского царства. Живым свидетельством этому служит ряд указов, один за другим последовавших немедленно по восшествии на престол Павла Петровича. Нет, кажется, отрасли государственного хозяйства и управления, которой бы не коснулись эти указы.

Началась живая, деятельная работа. В войске быстро была введена дисциплина. Гвардейские офицеры оставили свои кареты и муфты и должны были являться на парад в мундире, по форме.

Конечно, это казалось тяжелым. Меры, принятые императором Павлом против роскоши и расточительности, явились для изнеженных бар того времени чем-

то ужасным. Ограничение разгула было сочтено за ограничение свободы, но император продолжал требовать резкого изменения прежних условий жизни, подавая сам пример скромности и воздержанности.

Он хотел произвести ломку прежней жизни быстро и настойчиво, но общество, в течение столетия привыкшее к ней, противодействовало, подчинялось только по виду, и благие намерения Павла Петровича не приносили желанных результатов.

На ближайших помощников Павел Петрович был тоже несчастлив. Он не находил нужных людей, а большинство тех, на которых ему приходилось возлагать исполнение приказаний, исполняли их без должного разумения, часто совершенно изменяя самый смысл их.

Так, с первых же дней царствования Павла Петровича у Зимнего дворца был поставлен ящик, куда всякий мог класть прошения на имя государя. Сделано это было для того, чтобы государю знать непосредственную правду. Однако этой правды многим пришлось бояться. И вот, чтобы уничтожить этот опасный ящик, были положены в него такие прошения и подметные письма, что пришлось действительно снять его.

II

Вскоре после уничтожения ящика у памятника Петру I на Сенатской площади, у самой решетки, где стоял часовой, появилась женщина. Одета она была прилично, даже богато — в теплый меховой салоп и атласный капор, из-под которого выглядывало красивое личико. Появилась она у памятника и простояла целый день, с утра до вечера.

Часовому на посту не полагается разговаривать. Он не спрашивал женщины, но будочник — или алебарщик, по-тогдашнему, — подошел и спросил, что ей нужно.

— Разве нельзя стоять? — скромно спросила она в свою очередь.

— Нет, стоять можно — место здесь общественное...

— Ну, вот я и стою...

Что с ней было делать?

И на другой день тот же будочник опять на том же месте увидел ту же, одетую в хороший меховой салоп, женщину. Она стояла тихо, скромно...

И на третий день то же самое.

Будочник доложил околоточному, что вот третий день-де стоит у памятника Петру I женщина, никаких предосудительных поступков не делает, но стоит. Околоточный велел позвать его, если она придет и на четвертый день.

Женщина пришла. Будочник сбежал к околоточному — тот явился к памятнику. Видит, стоит женщина, хорошо одетая, стоит смиренно, и спрашивает ее:

— Что вам угодно?

— Это, — отвечает она, — я скажу не вам, а только тому, кто постарше вас.

Околоточный не обиделся, потому что, во-первых, личико у женщины было хорошенькое, а, во-вторых, одета она была хорошо. Махнул он рукой, ушел, но, видимо, заинтересовался.

— А что, барыня у памятника стоит? — спросил он на другой день у алебарщика.

Тот ответил, что стоит.

Околоточный доложил тому, кто был чином повыше его, что появилась у памятника Петру I женщина. Тот тоже полубопытствовал.

Так стояла эта женщина недели уже две. Доклад о ней наконец дошел до самого генерал-полицеймейстера.

— Прогнать! — приказал тот спервоначала.

Ему возразили, что прогонять не за что, так как женщина стоит, дурного ничего не делает, и притом личико у нее хорошенькое, а одета она прилично.

— Ну, хорошо, я сам съезжу, посмотрю! — согласился генерал-полицеймейстер.

Через несколько дней проезжает он мимо памятника, видит, как ему было доложено, стоит женщина в меховом салопе у решетки. Вышел он из саней, подошел к ней и спросил:

— Что вам угодно, сударыня?

— Это, — говорит женщина, поглядев на него, — я скажу одному только государю.

— Государя так нельзя видеть, сударыня, — отвечает он. — Ступайте домой.

— А разве нельзя здесь стоять? Ведь тут место общественное!

Генерал-полицеймейстер пожал плечами:

— Стойте, если угодно!..

Женщина опустила голову и осталась стоять.

Генерал-полицеймейстер велел в ежедневных рапортах между прочим доносить ему, стоит ли женщина у памятника Петру. Ему стали ежедневно доносить, что стоит.

Раз как-то случилось, что на докладе, когда государь был в хорошем расположении духа, генерал-полицеймейстер рассказал ему, что стоит-де у памятника Петру вот уже несколько времени женщина, прилично одетая, и хочет рассказать что-то, но только ему одному, государю. Государь велел привести ее к нему.

И вот однажды рано утром явился к памятнику генерал-полицеймейстер и нашел женщину в салопе на обычном ее месте. Он взял ее и сам повел во дворец.

III

Государь вставал рано. Первый доклад у него был генерал-полицеймейстера. Когда тот явился, государь спросил:

— Ну, а что женщина у памятника?

— Она здесь, ваше величество.

Государь велел провести ее в свою, смежную с кабинетом, библиотеку и вышел к ней туда.

— Я — бывшая крепостная, а ныне вольноотпущенная князя Гурия Львовича Каравай-Батынского — Авдотья Иванова, — пояснила женщина на вопрос, кто она такая.

Государь оглядел ее. По виду, платью, манерам не похожа она была на вольноотпущенную крепостную.

— Ты — бывшая крепостная? — переспросил он.

— Актриса, ваше величество.

— Служила, значит, в труппе у князя?

— Моего благодетеля.

Намурившееся было лицо государя прояснилось.

— Значит, пришла не жаловаться на притеснения?

— Нет, ваше величество. Князь Гурий Львович скончался нынче осенью...

О внезапной и страшной смерти князя Каравай-Батынского знали уже и говорили по всей России. Вспомнил и государь о ней.

— Это — тот, — сказал он, — которого нашли в его спальне сгоревшим?

— Так точно, ваше величество. Нашли только голову, руки и ноги, а вместо туловища была груда маслянистой сажи.

— Говорили, — перебил государь, — что сгорел он от спирта, которым натирался.

— Говорили так, ваше величество, но, насколько это — правда...

— Так об этом ты и пришла сказать мне?

Авдотья Иванова, или просто Дунька, как звали эту женщину, когда она служила в труппе князя, повалилась государю в ноги.

— Ваше величество! Одна-одинешенька на свете я. Помочь мне некому и заступиться за меня тоже некому... Начни я доносить по порядку — меня бы слушать не стали... Да и как мне тягаться с сильными людьми? Они теперь сильнее меня.

— Постой! — остановил ее государь. — Встань и рассказывай! На кого ты доносить хочешь?

— Не смею ни на кого доносить, — заговорила Дунька, встав, — а только совершилось нынче осенью в Вязниках, имении князя Каравай-Батынского, злое дело — нашли князя мертвым так странно и предали происшествие воле Божьей. Я как верная раба его бывшая не могу молчать и решила дойти до вашего величества. Если удастся, дескать, дойти — значит, вы меня выслушаете, потому что над таким вельможей и вдруг такое дело случилось...

Дунька говорила толково и разумно.

Загадочная смерть Каравай-Батынского не могла не вызвать интереса. По видимому, эта бывшая крепостная что-то знала, что могло пролить свет на это

темное дело. Государь подумал и проговорил:

— Говори, что знаешь!

— Знаю я, ваше величество, что жил покойный князь в здравии полным, принимал гостей хозяином хлебосольным. Вдруг среди этих гостей явился некий дворянин Александр Ильич Чаковнин, человек силы непомерной; сошелся он и вступил в дружбу с господином Труворовым, Никитой Игнатьевичем, тоже гостившим у князя. К этому времени приехала из Москвы обучавшаяся там актерскому искусству крепостная князя Марья, а за нею явился в Вязники некий Гурлов, офицерского чина, влюбленный в нее еще в Москве. И стал досаждать он князю. Однажды прямо на его жизнь покушался — канделябром в него бросил бронзовым. С этим Гурловым столкнулись господа Чаковнин и Труворов. Они покровительствовали ему и укрыли его от поимки, после того как он на князя покушался. А Гурлов добивался, во что бы то ни стало, ту крепостную актрису высвободить... И много они досад покойному князю учинили, пока наконец не нашли в спальне князя мертвого.

— Только и всего? — спросил государь.

— Не осмелилась бы я тревожить ваше величество, если бы только всего и было. Досады от этих господ князю — досадами, а вот после смерти его оказалось, что жил в Вязниках — под видом княжеского парикмахера при театре — не кто иной, как наследник прямой князя, родственник его, тоже князь Каравай-Батынский. Жил он, однако, скрываясь, и только в самый день смерти князя объявился наследником, а до тех пор все мы знали его парикмахером — и больше ничего. Получил он теперь наследство после внезапной смерти князя и владеет всем имуществом. Гостей всех прежних разогнал. Остались при нем только господа Чаковнин да Труворов, да господин Гурлов, за которого этот новый князь сейчас же крепостную бывшую актрису Марью выдал замуж... Вот что я знаю, ваше величество.

IV

Вернулась Дунька из дворца, добившись наконец своего, и тут только опомнилась, словно от сна. Словно во сне она действовала до сих пор и как бы бессознательно решила на свой смелый план, удавшийся, однако, блистательно. Никто ее не надоумевал.

Получила она вольную вместе со всеми бывшими актерами в Вязниках от нового их владельца и пожелала уехать. Ее никто не задерживал. В течение прежней своей службы удалось ей скопить порядочно деньжонок — недаром считалась она любимицей умершего князя. Гардероб у нее тоже был.

Забрав свои деньги и уложив гардероб, уехала она, сама еще хорошенько не зная — куда. Сначала рассчитывала она, что наймется по своей специальности актрисой в какую-нибудь барскую труппу. Но потом мало-помалу начала ее разъедать тоска по бывалому ее житью в Вязниках.

И стало ей скучно, что вот должна она скитаться, как бездомная, а между тем там, в этих Вязниках, распоряжаются и живут посторонние люди после убитого ее «благодетеля», князя Гурия Львовича. Началось там вместо прежнего разгульного житья другое — скромное, вовсе не то, что было прежде.

Все больше и больше не давало это покоя Дуньке. Она решила, что поедет в Петербург, и отправилась туда, не зная еще хорошенько, что будет там делать. Натура у нее была такая, что ничего не умела она делать вполсилы, и она отважилась на то, чтобы дойти до самого государя. Она была уже осведомлена, что он строг, любит доискаться правды, и надеялась, что, может быть, удастся ей поговорить с ним, как следует.

Ей удалось. Государь выслушал ее, ободрил и велел идти домой.

Ничего об обстоятельствах этой смерти Дунька не знала.

В Петербурге Дунька остановилась на заезжем дворе, в хорошей и чистой комнате (денег у нее было достаточно).

Когда пришла она из дворца к себе домой на заезжий двор, озноб забил ее. Она не волновалась ни тогда, когда генерал-полицеймейстер повел ее во дворец, ни тогда, когда ввели ее туда, ни даже, когда вышел к ней государь и пришлось разговаривать с ним, но теперь, когда все это прошло благополучно, ее так залихорадило, что она подумала, что схватила «лихоманку», простудившись у памятника.

Она велела принести себе горячего сбитня и принялась пить согревающую влагу его, как была в робе и уборе, чтобы поскорее в себя прийти.

Только что расположилась она у столика, как в дверь к ней раздался стук. Он был какой-то странный, сухой — два удара один за другим и потом после промежутка третий. Дуньке даже показалось, что ударили не в дверь, а где-то ближе как будто, точно в самый стол, за которым она сидела. Впрочем, теперь, после того что случилось с нею утром, все могло показаться ей странным.

Дверь отворилась, и в комнату вошел совсем не знакомый до сих пор Дуньке черный человек. Лицо у него было смуглое, два черных глаза горели, как угли, не покрытые париком короткие волосы, черные, как воронье крыло, вились мелкими кольцами, и весь он был одет в черное. На нем были бархатный черный кафтан с пуговицами темной стали, черный атласный камзол, такое же исподнее

платье и черные чулки с лаковыми башмаками.

Дунька при виде этого посетителя невольно оробела и именно потому, что оробела, довольно грубо спросила:

— Кого надобно вам?

Черный человек улыбнулся и ответил:

— Вас.

«Это, должно быть, из дворца!» — сообразила Дунька и встала навстречу гостю.

Уж слишком много потратила она сегодня храбрости и присутствия духа, чтобы продолжать и теперь владеть собою. К тому же этот черный, по виду совсем особенный, человек внушал к себе как-то гораздо более безотчетного страха, чем все те, с которыми до сих пор приходилось разговаривать Дуньке.

«Нет, он не из дворца — он сам по себе», — словно сказал ей внутренний голос, и ей стало еще страшнее.

Она встала и остановилась.

— Ну, чего испугались? — покачал головою гость, — кажется, доказали сегодня, что не робкого десятка, а вдруг испугались...

— Да как же, сударь! — начала Дунька. — Вы изволите входить так ко мне, если я вас вовсе не знаю...

Гость сел против нее к столу, не дожидаясь приглашения, и проговорил:

— И не советую узнавать про меня, кто я такой и что я такое... Не советую... Впрочем, дело не в имени... Я пришел, во-первых, похвалить вас за удачное начало, а, во-вторых, сказать вам, что за это смелое и удачное начало получите вы в дальнейшем помощь.

Дунька приободрилась и спросила:

— От кого же ждать мне этой помощи?

— Это — тоже излишнее любопытство. Не допытывайтесь, потому что все равно ничего не узнаете. А слушайте лучше то, что я говорить вам буду. — И черный человек начал говорить. — Вот, видите ли, есть в вас смелость, и не только смелость, но даже дерзость большая, и это сослужит вам службу. Сегодня вы одна-одинешенька сделали большое дело — добились того, что сам государь выслушал вас. Теперь, вероятно, будет послано на место отсюда доверенное лицо для расследования дела о смерти князя Гурия Львовича Каравай-Батынского. Вероятно, лицо это возьмет вас с собою в Вязники и будет руководствоваться вашими показаниями. Сможете ли вы так же продолжать, как начали?

Дунька внимательно посмотрела на своего неведомого гостя. По-видимому, этот странный человек отлично знал все дело, по которому она приехала сюда. Но так сразу не могла она разобрать, истинно ли хочет он помогать ей или же нарочно прикидывается помощником, чтобы лучше противодействовать ей. Она всегда предполагала в чужих людях скорее дурное, чем хорошее.

— Я не знаю, что будет дальше, — ответила она, — но поступала до сих пор по искреннему своему усердию, потому что покойный князь Гурий Львович был моим благодетелем...

Черный человек, смеясь, перебил ее:

— Напрасно со мной-то хитрите, Авдотья Иванова!.. Князь — князем, а главное дело: не сиделось вам на месте, хотелось смутьянить да роль какую ни на есть играть, и это, по-моему, гораздо лучше, чем там разные воспоминания о